

Алексей Савин

**ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР
ПОНЯТИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА В ФЕНОМЕНОЛОГИИ
ГУССЕРЛЯ**

Стаття присвячена експлікації поняття життєсвіту у феноменології Гуссерля. Автор демонструє трансцендентальний характер поняття життєсвіту і виділяє різні тенденції трансцендентального дослідження життєсвіту у феноменологічній філософії Гуссерля.

Ключові слова: *життєсвіт, трансцендентальне дослідження, історичність.*

Статья посвящена экспликации понятия жизненного мира в феноменологии Гуссерля. Автор демонстрирует трансцендентальный характер понятия жизненного мира и выделяет различные тенденции трансцендентального исследования жизненного мира в феноменологической философии Гуссерля.

Ключевые слова: *жизненный мир, трансцендентальное исследование, историчность.*

The article deals with the life-world concept in Husserl's phenomenology. The author demonstrates the transcendental character of the life-world concept and marks out the different trends of the transcendental investigation of the life-world in Husserl's phenomenological philosophy.

Keywords: *life-world, transcendental investigation, historicity.*

Глубинным измерением интенциональной истории в феноменологии Гуссерля выступает история жизненного мира. И если, согласно Гуссерлю, история реального, действительного мира существует только в силу историчности трансцендентального сознания, то историчность последнего возможна только вследствие историчности субъективно-релятивного жизненного мира. Задачей данной статьи является прояснение специфики гуссерлевского понимания жизненного мира.

Что собственно означает «жизненный мир»? Что Гуссерль пытается подчеркнуть и от чего отмежеваться посредством этой терминологической новации? С какой целью вводится это понятие, и какие функции оно выполняет в феноменологии? Чтобы решить эти вопросы, обратимся к поздним работам Гуссерля, прежде всего к «Кризису», и примыкающим к нему текстам, где и разрабатывается это понятие.

Первоначально понятие жизненного мира вводится для того, чтобы отделить мир наглядных, интуитивных (anschauliche) данностей от мира науки, характеризуемого Гуссерлем как область конструктов, которые принципиально не могут быть наглядно, интуитивно даны. Это предварительное определение жизненного мира оперативно уже в начале

«Кризиса европейских наук». Во фрагменте, посвященном Галилею и знаменующем гуссерлевскую попытку проникновения в «единую историчность Нового времени», – попытку, которая, в ходе осмысления роли объективных наук в кризисе европейского человечества, приведет немецкого мыслителя к открытию «приключений и злоклучений» трансцендентального мотива, – понятие жизненного мира (в этом предварительном определении) функционирует как средство, с помощью которого осуществляется это проникновение.

Это первичное определение вводится Гуссерлем на основании различия способов доступа (*Zugangsweise*), коррелятами которых и выступают жизненный мир, с одной стороны, и мир объективных наук Нового времени, с другой. Мир объективных наук является коррелятом метода, и, в частности, мышления, сформированного посредством логики и математики. Такое мышление, согласно Гуссерлю, подразумевает выполнение целого ряда искусственных операций, – предельного перехода, идеализации и формализации. Кроме того, этот метод может быть охарактеризован как «порождающий», а именно, производящий свои идеальные «сущности» как конструкты.

Применительно к геометрии, выступающей у Гуссерля здесь, как и во многих других местах, в качестве образца, на котором осуществляется философская работа прояснения, – Гуссерль поясняет этот порождающий характер метода так: коль скоро удастся провести идеализацию произвольно взятых чувственно созерцаемых форм вещей и создать соответствующие им чистые идеальные сущности, из последних можно выделить элементарные формы: отрезки, треугольники, круги. С помощью элементарных форм, – в этом, как подчеркивает немецкий мыслитель, и состоит открытие, приведшее к созданию геометрии, – можно не только вновь и вновь, посредством установленных заранее операций, конструировать другие, более сложные формы, но и «конструктивно и однозначно породить с помощью априорного, всеобъемлющего систематического метода» все вообще мыслимые идеальные формы [2, S. 24].

В противоположность миру объективных наук как корреляту этого порождающего метода, т. е. как конструкту, жизненный мир выступает как мир данного донаучно, того, что дано безыскусному созерцанию, повседневному чувственному опыту, а не методически изоциренному мышлению [2, S. 20].

Из этого противопоставления мира объективных наук как конструкта и жизненного мира как мира наглядных данностей вытекают и другие их отличия. Будучи коррелятом порождающего метода, мир объективных наук

является однозначно intersубъективно определенным как мир «данный раз и навсегда и для всякого» («ein fuer allemal und fuer jedermann»), поскольку «всякий разумный человек» может овладеть порождающим методом, убедиться в его эффективности, (в частности, в превосходстве выстраиваемых на его основании индукций перед «индукциями», которые направляют «безыскусные» ожидания в повседневной жизни), и при случае, в ходе развития науки, даже усовершенствовать его и с его помощью извлекать все новые «идеальные истины», «положения-в-себе» в больцановском смысле. В противоположность объективному миру наук жизненный мир, будучи коррелятом повседневного чувственного опыта, является субъективно-релятивным, поскольку явления в нем варьируются в зависимости от позиций опытно постигающих субъектов, и общий, единый для всех мир предстает, поэтому, как «точка схождения перспектив».

Отсюда вытекает еще одно отличие жизненного мира от мира объективных наук. В теоретической практике, в частности, в практике математической, в отличие от эмпирической практики, возникает точность (Exaktheit), т. к. в отношении идеальных форм возникает возможность определить их в их абсолютной тождественности, т. е. как субстраты абсолютно тождественных и методически абсолютно однозначно определенных свойств. Вещи же созерцаемого окружающего мира вообще и во всех своих свойствах «лишь колеблются в типических пределах; их самождественность, их равенство самим себе и временное пребывание в этом равенстве лишь приблизительны...» [2, S. 22].

Итак, уже из фрагмента, посвященного Галилею, можно выяснить, что жизненный мир это, – во-первых, – мир наглядных интуитивных данностей, мир повседневного чувственного опыта, в противоположность миру научных мыслительных конструктов; во-вторых, – мир субъективно-релятивных данностей в противоположность объективному, «раз и навсегда и для всякого» определенному существу; в-третьих, – мир приблизительных и «колеблющихся в типических пределах» предметных тождеств в противоположность однозначной тождественности предметов, выстраиваемых посредством научного метода.

Прежде чем приступить к более детальному рассмотрению понятия жизненного мира и прояснению тех функций, которые оно выполняет в феноменологии Гуссерля, – важное методологическое замечание. Тематизация жизненного мира является трансценденталистским предприятием, а сам жизненный мир, соответственно, трансцендентально-философским и даже более узко – трансцендентально-феноменологическим концептом.

В «формально-всеобщем смысле», т. е. в смысле прояснения субъективности, коррелятом которой выступает всякое бытие и всякая значимость, жизненный мир как понятие является осмысленным только в поле трансцендентальной философии уже потому, что не может быть тематизирован иначе, чем в корреляции с субъективным способом доступа (*Zugangsweise*) к нему, и не может быть отличен от мира объективных наук, если последний не тематизирован феноменологией как коррелят субъективного «способа доступа» к нему, т. е. метода.

В более специальном и неформальном смысле, жизненный мир является понятием, приобретаемым на путях не просто коррелятивного анализа, а трансцендентальной редукции. Это обстоятельство неоднократно подчеркивалось исследователями, наиболее ярко – Элизабет Штрекер. Она указывает, что это понятие приобретается только благодаря разработке смыслового генезиса, а смысловой генезис может быть тематизирован только посредством трансцендентальной редукции. Штрекер, в частности, пишет, что такие выражения как «смысловая почва», «смысловое начало», «смысловой фундамент», в которых Гуссерль характеризует жизненный мир, не имеют никакого «внутримирового» (*mundane*) значения и приобретают смысл лишь в горизонте трансцендентально-феноменологической постановки вопроса о смысле объективности [5, S. 87].

Более того, жизненный мир является трансцендентально-феноменологическим концептом не только потому, что может быть тематизирован только с помощью трансцендентальной редукции. Он сам является предельным трансцендентальным основанием любых внутримировых смыслов и значимостей.

Людвиг Ландгребе, желая подчеркнуть связь между концепцией жизненного мира и первоначальной трансценденталистской программой Гуссерля, указывает, что жизненный мир не является новой, ранее вообще Гуссерлем не рассматривавшейся темой. Выражение «жизненный мир», согласно Ландгребе, является лишь обозначением понятого в полной конкретности коррелята «естественной установки», концепция которой была выдвинута Гуссерлем еще в «Идеях I». Конкретность понимания выражается в том, что коррелят «веры в существование мира», «общего тезиса естественной установки», который рассматривался ранее – и в горизонте всей теоретико-познавательной постановки вопроса, в т. ч. еще и в «Идеях I» – как пустая достоверность «бытия мира вне нас», оказывается теперь «в себе структурированной и дифференцированной» достоверностью, а, соответственно, данный с такой достоверностью мир и есть жизненный мир. С вопросом о трансцендентально-конститутивных

условиях его данности феноменология возвращается к оставшемуся после трансцендентальной редукции «резидууму», т. е. к глубинному слою конститутивных действий трансцендентальной субъективности [4, S. 155].

К этим соображениям Ландгребе следует добавить, что такая концепция «структурированной, содержательно наполненной и дифференцированной» достоверности бытия мира вне нас, которая вылилась в теорию жизненного мира, не могла сформироваться прежде, чем была развита теория интерсубъективности, включающая в себя концепцию сплавления (*Verschmelzung*) смысловых перспектив (горизонтов) и иерархии трансцендентальных «монадических» субъектов, – со всеми имплицитными здесь различениями близости-дали, нормальности-аномалии и пр., – в деле формирования «общего для всех мира».

Итак, констатируем: жизненный мир является в теоретико-познавательном смысле трансценденталистским понятием в «формально-всеобщем смысле» поскольку тематизируется только как коррелят «способа доступа» к нему («жизни»); трансцендентально-феноменологическим, поскольку тематизируется только посредством трансцендентально-феноменологической редукции, т. е. как смысловое образование.

В онтологическом смысле жизненный мир является трансцендентально-феноменологическим понятием, поскольку выступает – с коррелятивной ему трансцендентальной субъективностью как частью его структуры – как почва всех возможных смысловых образований.

Многие исследователи, в т. ч. Клэсгес, Ландгребе и Хельд специально подчеркивают, что жизненный мир нельзя определять как «универсум сущего», а, следовательно, нельзя останавливаться на концепции «онтологии жизненного мира» (где онтология понимается в смысле региональной онтологии), т. к. она является коррелятом статического анализа и упускает как генетическое измерение, так и изначальную субъективную релятивность жизненного мира, ту, которая нетематически создается уже в самой естественной установке. Ведь жизненный мир есть не совокупность единичного сущего, но горизонт, позволяющий сущему явиться, т. е. выступающий условием возможности конституирования единичного сущего.

Ландгребе, в частности, указывает, что понимание мира как горизонта, хотя и не свойственно естественной установке, является более близким ей, чем его понимание как «универсума сущего». Естественная жизнь – это жизнь, заинтересованная в достижении своих сиюминутных и долговременных целей и ведомая «размышлениями» о том, каким образом

вещи этого мира могут способствовать или препятствовать достижению этих целей. Живущий естественной жизнью знает, кроме того, что другие тоже имеют цели, которые могут иногда совпадать с его собственными, а также знает о том, что другие могут иметь неизвестные или непонятные ему намерения, такие, которые превосходят его горизонт. Он знает, следовательно, о том, что он имеет ограниченные перспективы «видения» мира, границы которых, однако, могут быть расширены благодаря общению и обучению. И именно это отношение имеется в виду, согласно Ландгребе, когда в повседневной жизни говорят о горизонте. Соответственно, жизненный мир, понятый в его конкретной универсальности, – это тотальный горизонт, который охватывает все горизонты «особых миров», т. е. то пространство, где происходит смена «социальных ролей». Это мир, который Гуссерль обозначает как простую (*schlechthinnigen*) сингулярность, для которой бессмысленно различение единственного и множественного числа [3, S. 35].

Теория жизненного мира выполняет в феноменологии две функции: диагностическую и терапевтическую.

Диагностическая функция теории жизненного мира заключается в том, что эта теория вскрывает сущность процесса становления наук Нового времени и сопутствующего ему формирования объективистского способа мышления как забвение той почвы, из которой они (исторически) выросли и которую они (систематически) предполагают в качестве смыслового фундамента. Такое отношение жизненного мира к наукам можно охарактеризовать как «функцию почвы» (*Boden-Funktion*). С ее открытием Гуссерль указывает на угрозу со стороны объективизма базисному измерению человеческой жизни.

Терапевтическая функция теории жизненного мира состоит в том, что жизненный мир является отправным пунктом для радикального самоосмысления, делающего возможной жизнь, исходящую из универсальной ответственности. В этой функции жизненный мир выступает как начало пути к трансцендентальной феноменологии и поэтому ее можно обозначить как «функцию путеводной нити» (*Leitfaden-Funktion*).

Ульрих Клэсгес – немецкий исследователь, который выделил эти функции, – указывает, что жизненный мир именно из-за своей «функции почвы» может быть единственной путеводной нитью для тематизации конституирующих актов трансцендентальной субъективности [1, S. 86]. Ведь если не вскрыт закрытый объективистскими наслоениями смысловой фундамент всех прочих «результатов работы» трансцендентальной субъективности, то объективистские предрассудки

с необходимостью войдут в игру при тематизации субъективности и, следовательно, исказят ее понимание.

Несмотря на неразрывную связь в трансцендентальной феноменологии этих двух функций жизненного мира, радикальное рассмотрение объективного мира как коррелята метода, т. е. особой – теоретической – установки сознания, приводит к парадоксальной ситуации. Ведь сама объективная наука Нового времени, будучи одной из многих практик, а именно особой теоретико-логической практикой, с одной стороны, принадлежит жизненному миру «в его полной конкретности», с другой, – покоится на фундаменте жизненного мира. Гуссерль формулирует эту парадоксальную ситуацию следующим образом: «Жизненный мир есть одновременно лежащая в основании почва для «научно-истинного мира» и одновременно в своей полной универсальной конкретности охватывает его» [2, S. 134]. Клэсгес в этой связи делает вполне логичное заключение: с введением понятия «жизненного мира в его полной конкретности» первоначальное определение жизненного мира через его противопоставление миру науки оставляется. Он пишет, что «жизненный мир в его полной конкретности» не есть более коррелят субъективно-релятивного наглядного опыта (Erfahren), но является тотальностью, охватывающей живущего в жизненном мире со всеми его теоретическими и практическими действиями, включая науки и даже «теоретизирование» о самом жизненном мире. В этой связи жизненный мир в его «функции почвы» становится проблематичным [1, S. 88].

Поскольку обе функции жизненного мира являются существенными для феноменологии и ни одну из них нельзя оставить, Клэсгес предлагает различать «жизненный мир в узком смысле», – тот слой жизненного мира, который лежит в основании наук и всех специальных «профессиональных» практик, габитуальных, привычных направленностей интересов с их «профессиональным временем», с одной стороны, – и «жизненный мир в широком смысле» или «в полной конкретности», включающий в себя все науки и специальные «профессиональные» практики, – с другой.

«Жизненный мир в узком смысле» вводится, как теперь можно увидеть, не только в противоположность миру объективных наук, но и в противоположность всем специальным «профессиональным» практикам и их коррелятам, обозначаемым как особые миры (Sonderwelten). Тематизация «жизненного мира в узком смысле» предполагает, таким образом, не только эпоху объективных наук, но и эпоху всех особых миров и их субъективных коррелятов, т. е. различных видов профессиональных практик и интересов.

В одной из разработок, изданных в приложении к «Кризису», Гуссерль так описывает отношения между жизненным миром и особыми мирами. Мы живем в горизонте жизненного мира, преследуя определенные проходящие или долговременные цели. Последние могут оказаться в результате сознательного выбора или воспитания нашей профессией (Lebensberuf). В этом случае конституируются в себе замкнутые горизонты, «миры». Как люди, занятые профессиональной деятельностью, мы становимся безразличными к тому, что происходит вне нашего замкнутого горизонта, погружаемся в наш «профессиональный» мир и различаем истинное и ложное уже только в тех рамках, которые предписывают нам наши профессиональные цели, как правильное, подходящее для достижения этих целей, или неправильное, неподходящее. Жизненный мир, функционирующий как основание и горизонт особых миров, остается для живущих в последних нетематическим [2, S. 459]. (К числу таких особых миров относится, разумеется, и мир науки). Вернер Маркс, в связи с приведенным выше описанием, характеризует гуссерлевское понимание особого мира следующим образом: «Для Гуссерля особый мир (Sonderwelt) есть обособленная (gesonderter) область, которая конституирована и замкнута определенной целью или ведущей целевой идеей (Zweckidee), – все равно идет ли речь о практической или о теоретической, об индивидуальной или об общественной цели» [1, S. 88].

Несомненно, что «жизненный мир в широком смысле» является историческим и социально-культурным миром, поскольку в нем происходят и на нем отражаются все «профессиональные» начинания, а результаты этих начинаний становятся со временем привычными и, изменяя и обогащая особые миры новыми профессиональными техниками, передаваемыми затем из поколения в поколение ремесленниками, политиками и пр., тем самым изменяют и обогащают и «жизненный мир в широком смысле». Но как обстоит дело с историчностью «жизненного мира в узком смысле» и как вообще следует положительно понимать последний?

Первоначально Гуссерль рассматривает его как коррелят «простого (schlichte) интересубъективного опыта». При этом, поскольку такой опыт трактуется как простое восприятие, жизненный мир понимается как простая природа, как мир просто вещей (blosse Dingwelt). (Такая трактовка жизненного мира часто встречается даже в «Кризисе» и доминирует в «Опыте и суждении»). В таком качестве, конечно, жизненный мир может выступить как основание мира науки и вообще всех профессиональных миров. И, разумеется, ни о какой историчности так понятого жизненного

мира не может быть и речи, поскольку история начинается только тогда, когда на мир «просто вещей» данных восприятию начинают накладываться, трансформируя его, «культурные предикаты».

Но может ли еще именоваться «жизненным миром» выделенный (herauspreparierte) таким образом слой универсального жизненного мира, ведь жизненному миру принадлежат не только камни и деревья, но и телефоны и телевизоры? Разве они понимаются в жизненном мире как просто природные вещи? И не обстоит ли в жизненном мире все прямо-таки противоположным образом, не понимаются ли даже камни и деревья сквозь призму культурных предикатов?

И, кроме того, может ли выполнить так понятый жизненный мир функцию «критики науки», критики ее безответственности и смыслового опустошения, «терапевтическую функцию»? Ведь и наука, как указывает Клэсгес, не отрицает существования чувственных данных, субъективно-релятивных очевидностей, но они для нее есть лишь то, что преодолевается в объективном знании, лишь переходная ступень, причем такая, прохождение через которую не затрагивает смысла и значимости объективных истин (unrelevanter Durchgang) [1, S. 92].

Таким образом, «жизненный мир в узком смысле» при таком определении становится крайне проблематичным понятием. Кроме того, понятие «жизненного мира в широком смысле» и «жизненного мира в узком смысле» явно не стыкуются. Нельзя ли отказаться от одного из них?

Однако, если бы произошел отказ от «жизненного мира в широком смысле», то нельзя было бы релятивизировать объективный мир, – мир как он понимается объективными науками Нового времени и объективистской традицией, – т. е. понять его как одну из возможных практик, один из «культурных фактов»; и тогда рассуждения о жизненном мире как о смысловом основании «мира-в-себе» объективных наук вообще нельзя было бы «запустить». Если же отказаться от «жизненного мира в узком смысле», тогда притязания на истинность, на описание мира «как он есть на самом деле» со стороны объективных наук действительно бы релятивизировались, – т. е. мир науки предстал бы как один из особых миров, а научный метод как одна из особых, частных практик в конкретной исторической тотальности жизненного мира, – но сама эта релятивизация осталась бы простым притязанием, т. к. не было бы показано, как жизненный мир функционирует в качестве источника подтверждения и значимостного фундамента объективных наук [1, S. 93].

Чтобы разобраться в вопросе о совместимости этих двух трактовок жизненного мира, понять, можно ли трактовать «жизненный мир в узком смысле» как-нибудь иначе, чем мир просто природы, просто природных

вещей как коррелятов intersубъективно координированного чувственного восприятия, – ведь такое истолкование стало теперь проблематичным, – необходимо погрузиться в тот способ, которым особые миры вообще и мир объективных наук в частности, входят в жизненный мир.

Как показывает Клэсгес, – и это можно считать одной из его главных заслуг в трактовке гуссерлевского понятия жизненного мира, – объективные науки входят в жизненный мир двояким образом, т. е. так сказать, на двух уровнях. Они, с одной стороны, на верхнем этаже, входят в «жизненный мир в его полной конкретности» как один из типов профессиональных практик, а их корреляты, соответственно, как определенные «особые миры», с другой стороны, на нижнем этаже, они прямо-таки воплощаются (*inkarnieren*) в жизненном мире, входя в тот его слой, который был обозначен как «жизненный мир в узком смысле», как область первично наглядно (*anschauliche*) данного [1, S. 90]. Как возможно последнее, как возможна такая «историзация» «жизненного мира в узком смысле», т. е. динамика порождения особых миров и, в частности, мира науки жизненным миром как почвой и «эрозии» этой почвы, вызванной действием этих особых практик и, в частности, объективных наук?

За разъяснениями вновь обратимся к Штрекер. Она указывает, что та проблема, что жизненный мир выступает одновременно и как донаучный и как определяемый посредством науки мир, и связанная с ней проблема определения жизненного мира (в широком и узком смысле) в отношении совместимости «функции почвы» и «функции путеводной нити» только тогда могут быть решены, когда будет обнаружено, что горизонтом тематизации «функции почвы», т. е. «жизненного мира в узком смысле» является нечто иное, как горизонт истории, который сам Гуссерль, по ее словам, оставил без внимания. «Это парадоксальное «как-так-и» (*Sowohl-als-auch*) [до-научный и определяемый наукой; «в функции почвы» и «в функции путеводной нити» — прим. А. С.] имеет для феноменологии хотя и чрезвычайно запутанную, но не являющуюся принципиально недоступной для ее анализа интенционально-историческую структуру. Эта структура ... сокращается метафорой «почвы» [5, S. 87].

Штрекер обращает внимание, что из перспективы проблематики жизненного мира «в функции почвы» следует различать чисто логические и математические образования, с одной стороны, и конструкции экспериментальных наук, – с другой. Если первые являются только фундированными смысловыми образованиями и не могут вести к «смысловым сдвигам» и сокрытиям смысла в «жизненном мире в узком смысле», то последние, напротив, не только фундированные, но и оказывающие обратное воздействие и потому могут производить

смысловые смещения и сокрытия в жизненном мире, понятом как их почва. Это происходит потому, что смысловые образования экспериментальных наук, их претендующие на объективную истинность, на описание действительности «как она есть», положения, должны находить свое подтверждение в жизненном мире. Экспериментальные процедуры наук являются как частью научной практики, так и частью практики жизненного мира. Как принадлежащие научной практике они служат реализации притязаний на значимость научных конструкций, и в этом смысле выступают как способы осуществления (Erfuellung) интенций экспериментальной науки как науки. Как принадлежащие жизненному миру они приносят в него нечто новое. К этим новациям принадлежат приборы и инструменты, посредством которых появляются новые способы видения, измененные формы интерпретации связей жизненного мира. И приборы, и инструменты, и новые способы интерпретации жизненного мира сами входят в разнообразные связи жизненного мира, т. е. становятся доверительно знакомыми (vertraut werden) в ходе ориентации в мире при функциональном их использовании (hantierende Umgang) для достижения привычных, принадлежащих жизненному миру целей. При этом приборы и инструменты экспериментальных наук постепенно причисляются к вещам наглядного (anschauliche) и, в итоге, даже простого (schlichte) опыта в той мере, в которой обращение с ними протекает беспрепятственно (reibungsslose).

Согласно Штрекер, именно этот процесс имеет в виду Гуссерль, когда он говорит о смысловом сдвиге и о сокрытии смысла изначального жизненного мира. Этот процесс означает также и особого рода смысловую седиментацию «в жизненном мире в узком смысле», т. е. в жизненном мире, понятом как «почва». Будучи созданными в недрах «особого мира» науки, прозрачные и понятные в нем, новые опытные приобретения экспериментальных наук, их научные результаты, равно как и средства их обеспечения – приборы и инструменты, – присоединяются к жизненному миру таким способом, что вопрос об их смысловом генезисе из активных учреждающих актов «научно-ориентированной» субъективности даже и не встает. Поэтому они сами мало помалу причисляются к жизненному миру, т. е. обращение с ними приобретает пассивный, «автоматический» характер действия с чем-то давно знакомым. Как «пришельцы» из другого мира, – особого мира науки, – они более не идентифицируются.

Таким образом, наука также непрерывно участвует в конституировании жизненного мира и сама в форме ставших само собой

разумеющимся результатов выступает в функции почвы для дальнейших преобразований опыта жизненного мира (lebensweltliche Erfahrung).

Так закладываются основания проблематики феноменологического анализа технических последствий нововременных наук, которая должна возникнуть, если ставится вопрос об объективной науке как о продукте активного учреждения смысла и смысловой седиментации, осуществляемых в исторически понятой трансцендентальной субъективности [5, S. 90–91].

1. Claesges U. Zweideutigkeiten in Husserls Lebenswelt-Begriff // Perspektiven transzendental-phaenomenologischer Forschung. Hrsg. von U. Claesges und K. Held.– Haag: Martinus Nijhoff, 1972.
2. Husserl E. Die Krisis der europaeischen Wissenschaften und die transzendente Phaenomenologie// Husserliana. Bd. VI. Hrsg. von W. Biemel.– Haag: Nijhoff, 1962.
3. Landgrebe L. Lebenswelt und Geschichtlichkeit des menschlichen Daseins // Phaenomenologie und Marxismus. Bd. II. Praktische Philosophie. Hrsg. von B. Waldenfels u. a. – Frankfurt am Mein: Schurkamp, 1977.
4. Landgrebe L. Phaenomenologie und Geschichte – Guetersloh: Gerd Mohn, 1968.
5. Stroeker E. Phaenomenologische Studien.– Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1987.